

Актеры и роли

И мысль, и сердца жсар...

Второй сезон работает в Белорусском театре оперы и балета лауреат Международного конкурса имени П. И. Чайковского Александр Дедик. Это время было очень плодотворным в творческой жизни певца.

В течение нескольких месяцев он исполнил партии Хозе в опере Ж. Бизе «Кармен», Манрико и Герцога в «Трубадуре» и «Риголетто» Д. Верди, Рудольфа и Пинкертон в «Богеме» и «Чио-Чио-Сан» Д. Пуччини. Его голос яркой драматической насыщенности, красивого тембра, искренность и эмоциональная приподнятость исполнения запомнились зрителям. Но дарование певца в полную силу раскрылось не в трагическом Хозе, не в пламенном Манрико и даже не в выигрышной партии Герцога. Они стали как бы ступенями к овладению вокально-сценическим мастерством, которое наиболее полно проявилось в ролях Самозванца в народной музыкальной драме М. Мусоргского «Борис Годунов» и Йонтека в опере польского композитора С. Монюшко «Галька». Тут от певца требовалась не только безукоризненная вокальная техника, но и тонкость психологического анализа.

...Глухая ночь сомкнулась над спящим Чудовым монастырем. Лишь в одной из мрачных темных келий, освещенной колеблющимся пламенем лампы, теплилась жизнь — то старый летописец Пимен пишет страничку истории многотрадной русской земли. Знакомая до мельчайших подробностей сцена знаменитой пушкинской трагедии, переложенная на язык музыки Мусоргским... Тут мы встречаемся с Гришкой Отрепьевым.

А. Дедик счастливо избегает подводных камней трудной роли Самозванца и находит собственное прочтение ее. Партия не содержит эффектных мелодий, которые могли бы сразу

показать возможности певца. И тем не менее вокальная сторона роли очень выразительна. Первая же сцена — рассказ сна — производит огромное впечатление. Сколько мощи и красоты в интонациях драматического тенора А. Дедика! Фразы пробуждающегося Григория пропеты с той искренностью и подъемом, в которых угадывается бурный и беспокойный характер инока, возмущившего чинное спокойствие монастырской братии «всякими соблазнами и беззакониями». Голос певца словно обжигает слушателей порывистой страстностью, бурной и мятежной. Тайные мысли, возникшие у Григория под влиянием сна и повести летописца Пимена, внезапно обретают реальную осязаемость.

...Уходит к заутрене Пимен. Проводив старца, Григорий — Дедик останавливается у двери. Немая сцена. Пауза, длящаяся совсем немного времени. Но какой острый, динамичный и логически оправданный переход к завершающим картину фразам! Инок осматривает келью. Томительно долгий взгляд скользит по высоким и холодным стенам, и мы понимаем сущность сна Григория. Ведь то были мечты сильного, полного дерзновенных желаний молодого человека. То были мысли о воле, заветной и недостижимой мечте смиренного инока. И мы понимаем, как ужасны и страшны эти мрачные сны, поправшие в Григорий честь и человеческое достоинство, ставшие ненавистными путями, тюрьмой. И, слушая страстные слова: «Борис, Борис! Все пред тобой трепещет. Никто не смеет и напомнить о жребии несчастного младенца...», мы понимаем, что в душе Григория созрел план побега из монастыря-тюрьмы. И

понимаем главное, что характеризует авантюрный замысел Григория — бунтарский протест против духовного и физического угнетения, самоутверждение личности, в одиночку пытающейся выступить против хода событий.

А вот сцена «Корчма на литовской границе». В ней А. Дедик показывает Григория находчивым, сообразительным, причем каждая из этих истинно народных черт выявляется в полном блеске.

Этот эпизод, пожалуй, узловый в развитии образа

Григория. Получив долгожданную свободу. Отрешившись от твердого решения в достижении поставленной цели. А чтение царского приказа с приметами бежавшего инока Григория проведено с завидным драматическим мастерством. Еще до того, как появятся в корчме приставы, А. Дедик постепенно доводит «немые» паузы до ярчайшей образности, используя жесты, мимику, заполняя вокальные «пустоты» выразительностью психологических деталей. И когда появившиеся безграмотные приставы заставляют читать указ с его приметами, желание выиграть хоть один, пусть самый последний, шанс, ведущий к победе, заставляет

Григория втянуть в опасную игру Варлаама. Ошеломленный неожиданным открытием, что перед ним беглый и разыскиваемый инок, замирает Варлаам. Легко и стремительно взвизывает тело Григория, и вот уже неуловимой тенью скрылся он за окном корчмы.

Сложная в драматическом отношении сцена в корчме проведена А. Дедиком жизненно правдиво и художественно ярко.

Третий акт не дает певцу тех выразительных средств, что содержались в двух картинах первого. Зато в вокальном отношении он позволяет исполнителю раскрыться наиболее полно. В сцене у фонтана тепло и выразительно звучал широкий по

диапазону драматический тенор Дедика. Перед артистом стояла трудная задача — показать трагедию человека, начавшего свой путь с побега из монастыря и закончившего в стане врагов своей родины. Получаются как бы два персонажа в одном лице. И тем не менее образ Григория-Самозванца, созданный Александром Дедиком, привлекает глубиной раскрытия человеческого в человеке — это редкое качество оперного исполнителя позволяет надеяться, что со временем молодой певец интересно проявит себя и в других партиях.

В марте нынешнего года состоялась премьера оперы С. Монюшко «Галька». И на первом же спектакле стало ясно, как своеобразно и интересно прочитана партия гурала Йонтека молодым певцом.

Обаяние искренности — вот что главное у Йонтека — Дедика. Глубоко переживая трагедию любимой девушки Гальки, обманутой паном Янушем, Йонтек выступает против пана. Вспоминается сцена из первого акта. Трогательно и нежно звучит голос Йонтека, настойчиво объясняющего любимой Гальке бессмысленность любви к пану. Образ Йонтека привлекает соединением лиризма и мужественной суровости. Слепому доверию Гальки Йонтек противопоставляет сдержанную суровость. Когда слушаешь продолжение этой сцены — слова Йонтека, обращенные к пану, понимаешь идеиную значительность образа крестьянского парня, через который выражен дух протеста народа.

Помимо основной работы на оперной сцене А. Дедик ведет активную концертную деятельность. Мы услышали два его вокальных вечера. Понятно стремление певца много успеть. Однако это не должно отражаться в работе, а некоторые погрешности образов Манрико и Рудольфа можно объяснить именно спешкой. Певец всегда должен стремиться к тому, чтобы не тускнел блеск его дарования.

В. ЕФРЕМОВ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Борис Годунов». Самозванец — А. ДЕДИК, хозяйка — Р. ОСИПЕНКО.

Фото С. Граховского.